

Луч жизни. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Луч жизни. Михаил Афанасьевич Булгаков

Профессор Персигов

16 апреля 1928 года, вечером, профессор зоологии IV Государственного университета и директор Зооинститута в Москве Персигов вошел в свой кабинет, помещающийся в Зооинституте, что на улице Герцена. Профессор зажег верхний матовый шар и огляделся. Начало ужасающей катастрофы нужно считать заложенным именно в этот злосчастный вечер, равно как первопричиной этой катастрофы следует считать именно профессора Владимира Ипатьевича Персикова. Газет профессор Персигов не читал, в театр не ходил, а жена профессора сбежала от него в 1913 году, оставив ему записку такого содержания: "Невыносимую дрожь отвращения возбуждают во мне твои лягушки. И всю жизнь буду несчастна из-за них". Профессор больше не женился и детей не имел. Был очень вспыльчив, но отходчив, жил на Пречистенке, в квартире из 5 комнат, одну из которых занимала сухонькая старушка, экономка Марья Степановна, ходившая за профессором, как нянька. В 1919 году у профессора отняли из 5 комнат 2. Тогда он заявил Марье Степановне: - Если они не прекратят эти безобразия, Марья Степановна, я уеду за границу. Нет сомнения, что, если бы профессор осуществил этот план, ему очень легко удалось бы устроиться при кафедре зоологии в любом университете мира, ибо ученый он был совершенно первоклассный, а в той области, которая так или иначе касается земноводных или голых гадов, и равных себе не имел, за исключением профессора Уильяма Векля в Кембридже и Джакомо Бартоломео Беккари в Риме. Читал профессор на 4 языках, кроме русского, а по-французски и немецки говорил, как по-русски. Намерения своего относительно заграницы Персигов невыполнил, и 20-й год вышел еще хуже 19-го, и в террариях Зоологического института, не вынеся всех пертурбаций знаменитого года, издохли первоначально 8 великолепных экземпляров квакшей, затем 15 обыкновенных жаб и, наконец, исключительнейший экземпляр жабы суринамской. Подобно тому как амфибии оживают после долгой засухи при первом обильном дожде, ожил профессор Персигов в 1926 году, когда соединенная Американо-русская компания выстроила, начав с угла Газетного переуллка и Тверской, в центре Москвы, 15 пятнадцатизэтажных домов, а на окраине 300 рабочих коттеджей, каждый на 8 квартир, раз и навсегда прикончив тот страшный и смешной жилищный кризис, который так терзал москвичей в годы 1919-1925. Вообще это было замечательное лето в жизни Персикова, и порою он с тихим и довольным хихиканьем потирал руки, вспоминая, как он жался с Марьей Степановной в 2 комнатах. Теперь профессор расширился, расположил 21/2 тысячи книг, чучела, диаграммы, препараты, зажег на столе зеленую лампу в кабинете. Институт тоже узнать было нельзя: его покрыли кремовой краской, пронесли по специальному водопроводу воду в комнату гадов, сменили все стекла на зеркальные, прислали 5 новых микроскопов, стеклянные препаратонные столы, шары по 2000 ламп с отраженным светом, рефлекторы, шкапы в музей. И вдруг летом 1928 года произошло то невероятное, ужасное...

Цветной завиток

Профессор зажег шар и огляделся. Зажег рефлектор на длинном экспериментальном столе, надел белый халат, позвенел какими-то инструментами на столе... Гул весенней Москвы нисколько не занимал профессора Персикова. Он сидел на винтящемся трехногом табурете и побуревшими от табаку пальцами вертел кремальеру великолепного цейсовского микроскопа, в который был заложен обыкновенный неокрашенный препарат свежих амев. В тот момент, когда Персигов менял увеличение с 5 на 10 тысяч, дверь приоткрылась, показалась остренькая бородка, кожаный нагрудник, и ассистент позвал: - Владимир Ипатьич, я установил брыжейку, не хотите ли взглянуть? Персигов живо сполз с табурета, бросив кремальеру на полдороге, и, медленно вертя в руках папиросу, прошел в кабинет ассистента. Там, на стеклянном столе, полузадушенная и обмершая от страха лягушка была распята на пробковом штативе, а ее прозрачные слюдяные внутренности вытянуты из окровавленного живота в микроскоп. - Очень хорошо! - сказал Персигов и припал глазом к окуляру микроскопа. Очевидно, что-то очень интересное можно было рассмотреть в брыжейке лягушки, где, как на ладони видные, по рекам сосудов бойко бежали живые кровяные шарики. Персигов забыл о своих амебах и в течение полутора часов по очереди с Ивановым припадал к стеклу микроскопа. Разминая затекшие ноги, Персигов поднялся, вернулся в свой кабинет, зевнул, потер пальцами вечно воспаленные веки и, присев на табурет, заглянул в микроскоп, пальцы он положил на кремальеру и уже собирался двинуть винт, но не двинул. Правым глазом видел Персигов мутноватый белый диск и в нем смутных бледных амев,

Луч жизни. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
а посредине диска сидел цветной завиток, похожий на женский локон. Этот завиток и сам Персиков, и сотни его учеников видели очень много раз, и никто не интересовался им, да и незачем было. Цветной пучочек света лишь мешал наблюдению и показывал, что препарат не в фокусе. Поэтому его безжалостно стирали одним поворотом винта, освещая поле ровным белым светом. Длинные пальцы зоолога уже вплотную легли на нарезку винта и вдруг дрогнули и слезли. Причиной этого был правый глаз Персикова, он вдруг насторожился, изумился, налился даже тревогой. Не бездарная посредственность на горе республике сидела у микроскопа. Нет, сидел профессор Персиков! Вся жизнь его, его помыслы сосредоточились в правом глазу. Минут пять в каменном молчании высшее существо наблюдало низшее, мучая и напрягая глаз над стоящим вне фокуса препаратом. Кругом все молчало. Запоздалый грузовик прошел по улице Герцена, колыхнув старые стены института. Плоская стеклянная чашечка с пинцетами звякнула на столе. Профессор побледнел и занес руки над микроскопом так, словно мать над дитятей, которому угрожает опасность. Теперь не могло быть и речи о том, чтобы Персиков двинул винт, о нет, он боялся уже, чтобы какая-нибудь потусторонняя сила не вытолкнула из поля зрения того, что он увидел. Было полное белое утро с золотой полосой, перерезавшей кремное крыльцо института, когда профессор покинул микроскоп и подошел к онемевшим ногам к окну. Он дрожащими пальцами нажал кнопку, и черные глухие шторы закрыли утро, и в кабинете ожила мудрая ученая ночь. Желтый и вдохновенный Персиков растопырил ноги и заговорил, уставившись в паркет слезящимися глазами. – Но как же это так? Ведь это чудовищно!.. Это чудовищно, – повторил он, обращаясь к жабам в террарии, но жабы спали и ничего ему не ответили. Он помолчал, потом подошел к выключателю, поднял шторы, потушил все огни и заглянул в микроскоп. Лицо его стало напряженным, он сдвинул кустоватые желтые брови. – Угу, угу, – пробурчал он, – пропал. Понимаю. По-о-ни-маю, – протянул он, сумасшедше и вдохновенно глядя на погасший шар над головой, – это просто. И он вновь опустил шипящие шторы и вновь зажег шар. Заглянул в микроскоп, радостно и как бы хищно осклабился. – Я его поймаю, – торжественно и важно сказал он, поднимая палец кверху, поймаю. Может быть, и от солнца. Опять шторы взвились. Солнце теперь было налицо. Вот оно залило стены института и косяком легло на торцах Герцена. Профессор смотрел в окно, соображая, где будет днем солнце. Он то отходил, то приближался, легонько пританцовывая, и наконец животом лег на подоконник. Приступил к важной и таинственной работе. Стеклянным колпаком накрыл микроскоп. На синеватом пламени горелки расплавил кусок сургуча и края колокола припечатал к столу, а на сургучных пятнах оттиснул свой большой палец. Газ потушил, вышел и дверь кабинета запер на английский замок. – Какая чудовищная случайность, что он меня отозвал, – сказал ученый. Иначе я его так бы и не заметил. Но что это сулит?.. Ведь это сулит черт знает что такое?..

Персиков поймал

Дело было вот в чем. Когда профессор приблизил свой гениальный глаз к окуляру, он впервые в жизни обратил внимание на то, что в разноцветном завитке особенно ярко и жирно выделился один луч. Луч этот был ярко-красного цвета и из завитка выпадал, как маленькое острие, ну, скажем, с иголку, что ли. Просто уж такое несчастье, что на несколько секунд луч этот приковал наметанный глаз виртуоза. В луче профессор разглядел то, что было в тысячу раз значительнее и важнее самого луча. Благодаря тому что ассистент отозвал профессора, амёбы пролежали полтора часа под действием этого луча, и получилось вот что: в то время, как в диске вне луча зернистые амёбы лежали вяло и беспомощно, в том месте, где пролегал красный заостренный меч, происходили странные явления. В красной полосочке кипела жизнь. Серенькие амёбы, выпуская ложноножки, тянулись изо всех сил в красную полосу и в ней оживали. Какая-то сила вдохнула в них дух жизни. Они лезли стаей и боролись друг с другом за место в луче. В нем шло бешеное, другого слова не подобрать, размножение. Ломая и опрокидывая все законы, известные Персикову, они почковались на его глазах с молниеносной быстротой. Они разваливались на части в луче, и каждая из частей в течение 2 секунд становилась новым и свежим организмом. Эти организмы в несколько мгновений достигали роста и зрелости лишь затем, чтобы в свою очередь тотчас же дать новое поколение. В красной полосе, а потом и во всем диске стало тесно, и началась неизбежная борьба. Вновь рожденные яростно набрасывались друг на друга и рвали в клочья и глотали. Среди рожденных валялись трупы погибших в борьбе за существование. Побеждали лучшие и сильные. И эти лучшие были ужасны. Во-первых, они объемом приблизительно в два раза превышали обыкновенных амёб, а во-вторых, отличались какой-то особенной злостью и резвостью. Движения их были стремительны, их ложноножки гораздо длиннее нормальных и работали они ими, быть преувеличения, как спруты щупальцами. Во второй вечер профессор, осунувшийся и побледневший, без пищи, взвинчивая себя лишь толстыми самокрутками, изучал новое поколение амёб, а в третий день он

Луч жизни. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru перешел к первоисточнику, т. е. к красному лучу. – Да, теперь все ясно. Их оживил луч. Это новый, не исследованный никем, никем не обнаруженный луч. Первое, что придется выяснить, – это получается ли он только от электричества или от солнца, – бормотал Персиков самому себе. И в течение еще одной ночи это выяснилось. В три микроскопа Персиков поймал три луча, от солнца ничего не поймал и выразился так: – Надо полагать, что в спектре солнца его нет... ГМ... ну, одним словом, надо полагать, что добыть его можно только от электрического света. – Он любовно поглядел на матовый шар вверху, вдохновенно подумал и пригласил к себе в кабинет Иванова. Он ему все рассказал и показал амеб. Приват-доцент Иванов был поражен, совершенно раздавлен: как же такая простая вещь, как эта тоненькая стрела, не была замечена им, Ивановым, и действительно это чудовищно! Вы только посмотрите... – Вы посмотрите, Владимир Ипатьич! – говорил Иванов, в ужасе прилипая глазом к окуляру. – Что делается?! Они растут на моих глазах... Гляньте, гляньте... – Я их наблюдаю уже третий день, – вдохновенно ответил Персиков. Из Германии после запроса через Комиссариат просвещения Персикову прислали три посылки, содержащие в себе зеркала, двояковыпуклые, двояковогнутые и даже какие-то выпукло-вогнутые шлифованные стекла. Кончилось все это тем, что Иванов соорудил камеру и в нее действительно уловил красный луч. И надо отдать справедливость, уловил мастерски: луч вышел жирный, сантиметра 4 в поперечнике, острый, сильный. 1 июня камеру установили в кабинете Персикова, и он жадно начал опыты с икрой лягушек, освещенной лучом. опыты эти дали потрясающие результаты. В течение 2 суток из икринок вылупились тысячи головастиков. Но этого мало, в течение одних суток головастики выросли необычайно в лягушек, и до того злых и прожорливых, что половина их тут же была перелопана другой половиной. Зато оставшиеся в живых начали вне всяких сроков метать икру и в 2 дня уже без всякого луча вывели новое поколение и при этом совершенно бесчисленное. В кабинете ученого началось черт знает что: головастики расплозились из кабинета по всему институту, в террариях и просто на полу, во всех закоулках завывали хоры, как на болоте. Через неделю ученый почувствовал, что он шалееет. Институт наполнился запахом эфира и цианистого калия. Разросшееся болотное поколение наконец удалось перебить ядами, кабинеты проветрить.

Куриная история

В уездном заштатном городке, бывшем Троицке, а ныне Стекловске Костромской губернии Стекловского уезда, на крылечко домика на бывшей Соборной, а ныне Персональной улице, вышла повязанная платочком женщина в сером платье с ситцевыми букетами и зарыдала. Женщина эта рыдала так громко, что вскорости из домика через улицу в окошко высунулась бабья голова в пуховом платке и воскликнула: – Что ты, Степановна, али еще? – Семнадцатая! – разливаясь в рыданиях, ответила бывшая Дроздова. – Ахти-х-ти-х, – заскулила и закачала головой баба в платке, – ведь это что ж такое? Да неужто ж сдохла? – Да ты глянь, Матрена, – бормотала попадая, всхлипывая громко и тяжко, глянь, что с ей! Действительно: семнадцатая по счету с утра брамапутра, любимая хохлатка, ходила по двору и ее рвало. "Эр... рр... урл... урл го-го-го", выделявала хохлатка и закатывала грустные глаза на солнце так, будто видела его в последний раз.

В июне 1928 года

Москва светилась, огни танцевали, гасли и вспыхивали. На Театральной площади вертелись белые фонари автобусов, зеленые огни трамваев. А над Большим театром гигантский рупор завывал: – Антикуриные прививки в Лефортовском ветеринарном институте дали блестящие результаты. Количество... куриных смертей за сегодняшнее число уменьшилось вдвое... Затем рупор менял тембр, что-то рычало в нем, над театром вспыхивала и угасала зеленая струя, и рупор жаловался басом: – Образована чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой в составе наркомздрава, наркомзема, заведующего животноводством, профессоров Персикова и Португалова... Театральный проезд, Неглинный и Лубянка пылали белыми и фиолетовыми полосами, брызгали лучами, выли сигналами, клубились пылью. Толпы народа теснились у стен у больших листов объявлений, освещенных резкими красными рефлекторами: "Под угрозой тягчайшей ответственности воспрещается употреблять в пищу куриное мясо и яйца. Все граждане, владеющие яйцами, должны в срочном порядке сдать их в районные отделения милиции".

Рокк

Неизвестно, точно ли хороши были лефортовские ветеринарные прививки, умели ли заградительные самарские отряды, удачны ли крутые меры, принятые по отношению к

Луч жизни. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
скупщикам яиц в Калуге и Воронеже, успешно ли работала чрезвычайная московская комиссия, но хорошо известно, что через две недели в смысле кур скоро стало совершенно чисто. Кое-где в двориках уездных городков валялись куриные сиротливые перья, вызывая слезы на глазах, да в больницах поправлялись последние из жадных, доканчивая кровавый понос со рвотой. Профессор Персиков совершенно измучился и заработался в последние три недели. Куриные события выбили его из колеи и навалили на него двойную тяжесть. Целыми вечерами ему приходилось работать в заседаниях куриных комиссий. Работал Персиков без особого жара в куриной области, да оно и понятно – вся его голова была полна другим – основным и важным – тем, от чего его оторвала его куриная катастрофа, т. е. от красного луча. Расстраивая свое и без того надломленное здоровье, урывая часы у сна и еды, порою не возвращаясь на Пречистенку, а засыпая на клеенчатом диване в кабинете института, Персиков ночи напролет возился у камеры и микроскопа. К конце июля гонка несколько стихла. Дела переименованной комиссии вошли в нормальное русло, и Персиков вернулся к нарушенной работе. Микроскопы были заряжены новыми препаратами, в камере под лучом зрела со сказочной быстротой рыба и лягушачья икра. Из Кенигсберга на аэроплане привезли специально заказанные стекла, и в последних числах июля, под наблюдением Иванова, механики соорудили две новые большие камеры, в которых луч достигал у основания ширины папиросной коробки, а в растробе – целого метра. Персиков радостно потер руки и начал готовиться к каким-то таинственным и сложным опытам. Прежде всего он по телефону сговорился с народным комиссаром просвещения, а затем Персиков по телефону же вызвал товарища Птаху-Поросюка, заведующего отделом животноводства при верховной комиссии. Встретил Персиков со стороны Птахи самое теплое внимание. Дело шло о большом заказе за границей для профессора Персикова. Птаху сказал, что он тотчас телеграфирует в Берлин и Нью-Йорк.

* * *

Был очень солнечный августовский день. Он мешал профессору, поэтому шторы были опущены. Один гибкий на ножке рефлектор бросал пучок острого света на стеклянный стол, заваленный инструментами и стеклами. Отвалив спинку винтящегося кресла, Персиков в изнеможении курил и сквозь полосы дыма смотрел мертвыми от усталости, но довольными глазами в приоткрытую дверь камеры, где, чуть-чуть подогревая и без того душный и нечистый воздух в кабинете, тихо лежал красный сноп луча. В дверь постучали. – Ну? – спросил Персиков. Дверь мягко скрипнула, и вошел Панкрат. Он сложил руки по швам и, бледнее от страха перед божеством, сказал так: – Там до вас, господин профессор, Рокк пришел. На пороге появился человек. Персиков скрипнул на винте и уставился в пришедшего поверх очков через плечо. Персиков был слишком далек от жизни он ею не интересовался, но тут даже Персикову бросилась в глаза главная черта вошедшего человека. Лицо вошедшего произвело на Персикова то же впечатление, что и на всех, – крайне неприятное впечатление. Маленькие глазки смотрели на весь мир изумленно и в то же время уверенно, что-то развязное было в коротких ногах с плоскими ступнями. Лицо иссиня-бритое. Персиков сразу нахмурился. Он безжалостно похрипел винтом и, глядя на вошедшего уже не поверх очков, а сквозь них, молвил: – Вы с бумагой? Где она? – Я Александр Семенович Рокк и назначен заведующим показательным совхозом "Красный луч", – пояснил пришлый. – Ну-с? – И вот к вам, товарищ, с секретным отношением. – Покороче! Пришелец расстегнул борт куртки и вынул приказ, напечатанный на плотной бумаге. Его он протянул Персикову. А затем без приглашения сел на винтящийся табурет. – Не толкните стол, – с ненавистью сказал Персиков. Пришелец испуганно оглянулся на стол, на дальнем краю которого в сыром темном отверстии мерцали безжизненно, как изумруды, чьи-то глаза. Холодом веяло от них. Лишь только Персиков прочитал бумагу, он поднялся с табурета и бросился к телефону. Через несколько секунд он уже говорил торопливо и в крайней степени раздражения: – Простите... Я не могу понять... Как же так? Я... без моего согласия, совета... Да ведь он черт знает что наделает!.. Тут незнакомец повернулся крайне обиженно на табурете. – Извиняюсь, – начал он, – я завед... – Извините, я не могу понять... Я, наконец, категорически протестую. Я не даю своей санкции на опыты с яйцами... Пока я сам не попробую их... Кончилось тем, что багровый Персиков с громом повесил трубку и мимо нее в стену сказал: – Я умываю руки. Затем Персиков повернулся к пришельцу и заговорил: – Извольте... Пов-винуюсь. Не мое дело. Вот-с, пожалуйста. Вот дуговой шар. От него вы получаете путем передвижения окуляра, – Персиков щелкнул крышкой камеры, похожей на фотографический аппарат, – пучок, который вы можете собрать путем передвижения объективов, вот № 1... и зеркало № 2, Персиков погасил луч, опять зажег его на полу асбестовой камеры, – а на полу в луче можете разложить все, что вам нравится, и делать опыты.

История в совхозе

Положительно нет прекраснее времени, нежели зрелый август в Смоленской хотя бы губернии. Лето 1928 года было, как известно, отличнейшее, с дождями весной вовремя, с полным жарким солнцем, с отличным урожаем. Яблоки в бывшем имении Шереметьевых зрели, леса зеленели, желтизной квадратов лежали поля. Человек-то лучше становится на лоне природы. Александр Семенович Рокк оживленно сбежал с крыльца с колоннадой, на коей была прибита вывеска под звездой: СОВХОЗ "КРАСНЫЙ ЛУЧ" – и прямо к автомобилю-полугрузовичку, привезшему три черные камеры под охраной. Весь день Александр Семенович хлопотал со своими помощниками, устанавливая камеры в бывшем зимнем саду – оранжерее Шереметьевых. К вечеру все было готово. Под стеклянным потолком загорелся белый матовый шар, на кирпичках устанавливали камеры, и механик, приехавший с камерами, пощелкав и повертев блестящие винты, зажег на асбестовом полу в черных ящиках красный, таинственный луч. Александр Семенович хлопотал, сам влезал на лестницу, проверяя провода. На следующий день вернулся со станции тот же полугрузовичок и выплюнул три ящика великолепной гладкой фанеры, кругом оклеенные ярлыками и белыми по черному фону надписями. – Осторожно: яйца!! – Что же так мало прислали? – удивился Александр Семенович, однако тотчас захопнулся и стал распаковывать яйца. Распаковывание происходило все в той же оранжерее, и принимали в нем участие: сам Александр Семенович, его необыкновенной толщины жена – Маня, кривой бывший садовник бывших Шереметьевых, а ныне служащий в совхозе на универсальной должности сторожа и уборщица Дуня. Александр Семенович распорядился, любовно поглядывая на ящики, выглядевшие таким солидным компактным подарком под нежным закатным светом верхних стекол оранжереи. Александр Семенович, шлепая сандалиями, суетился возле ящиков. Яйца оказались упакованными превосходно: под деревянной крышечкой был слой парафиновой бумаги, затем промокательной, затем следовал плотный слой стружек, затем опилки, и в них замелькали белые головки яиц. – Заграница, – говорил Александр Семенович, выкладывая яйца на деревянный стол, – разве это наши мужицкие яйца... Все, вероятно, брамапутры, черт их возьми! Немецкие... Только не понимаю, чего они грязные, – говорил задумчиво Александр Семенович... – Маня, ты присматривай. Пускай дальше выгружают, а я иду на телефон. Вечером в кабинете Зоологического института затрещал телефон. Профессор Персигов взъерошил волосы и подошел к аппарату. – Ну? – Мыть ли яйца, профессор? – Что такое? Что? Что вы спрашиваете? – раздражился Персигов. – Откуда говорят? – Из Никольского, Смоленской губернии, – ответила трубка. – Ничего не понимаю. Никакого Никольского не знаю. Кто это? – Рокк, – сурово сказала трубка. – Какой Рокк? Ах, да... это вы... так вы что спрашиваете? – Мыть ли их?... Прислали из-за границы мне партию курьих яиц... – Ну? – ...А они в грязюке в какой-то... – Что-то вы путаете... Как они могут быть в "грязюке"? Может быть, немного... помет присох... или что-нибудь еще... – Так не мыть? – Конечно, не нужно... Вы что, хотите уже заряжать яйцами камеры? – Заряжаю. Да. Пока, – цокнула трубка и стихла. – "Пока", – с ненавистью повторил Персигов приват-доценту Иванову. – Как вам нравится этот тип, Петр Степанович? Иванов рассмеялся: – Это он? Воображаю, что он там напечет из этих яиц. – Д...д...д... –заговорил Персигов злобно, – вы вообразите, Петр Степанович, ну, прекрасно, очень возможно, что на дейтероплазму куриного яйца луч окажет такое же действие, как и на плазму голых. Очень возможно, что куры у него вылупятся. Но ведь ни вы, ни я не можем сказать, какие это куры будут... Может быть, они ни к черту негодные куры. Может быть, они подохнут через два дня. Может быть, их есть нельзя! А разве я поручусь, что они будут стоять на ногах? Может быть, у них кости ломкие, – Персигов вошел в азарт и махал ладонью и загибал пальцы. – А отказаться нельзя было? – спросил Иванов. Персигов побагровел, взял бумагу и показал ее Иванову. Тот прочел и иронически усмехнулся. – М-да... – сказал он многозначительно. – И ведь заметьте... Я своего заказа жду два месяца, и о нем ни слуху, ни духу. А этому моментально и яйца прислали, и вообще всяческое содействие... – Ни черта у него не выйдет, Владимир Ипатьич. И кончится тем, что вернут вам камеры. – Да если бы скорее, а то ведь они же мои опыты задерживают. Дни стояли жаркие до чрезвычайности. Над полями видно было ясно, как переливался прозрачный, жирный зной. А ночи чудные, обманчивые, зеленые. Дворец-совхоз, словно молочный, сахарный, светился, в парке тени дрожали, а пруды стали двуцветными пополам – косяком лунный столб, а половина бездонная тьма. В пятнах луны можно было свободно читать "Известия", за исключением шахматного отдела, набранного мелкой непарелью. В 10 часов вечера, когда замолкли звуки в деревне Концовке, расположенной за совхозом, идиллический пейзаж огласился прелестными звуками флейты. Играл на флейте сам заведующий совхозом Александр Семенович Рокк, и играл, нужно отдать ему справедливость, превосходно. Концерт над стеклянными водами и рощами и парком уже шел к концу, как вдруг произошло нечто, которое прервало его раньше времени. Именно в

Концовке собаки, которым по времени уже следовало бы спать, подняли вдруг невыносимый лай, который постепенно перешел в общий мучительный вой. Вой, разрастаясь, полетел по полям, и вою вдруг ответил трескучий в миллион голосов концерт лягушек на прудах. Все это было так жутко, что показалось даже на мгновение, будто померкла таинственная колдовская ночь. Александр Семенович оставил флейту и вышел на веранду: – Маня. Ты слышишь? Вот проклятые собаки... Чего они, как ты думаешь, разбесились? – Откуда я знаю, – ответила Маня, глядя на луну. – Знаешь, Манечка, пойдем посмотрим на яички, – предложил Александр Семенович. – Ей-богу, Александр Семенович, ты совсем помешался со своими яйцами и курами. Отдохни ты немножко! – Нет, Манечка, пойдем. В оранжерее горел яркий шар. Александр Семенович открыл контрольные стекла, и все стали поглядывать внутрь камер. На белом асбестовом полу лежали правильными рядами испещренные пятнами ярко-красные яйца, в камерах было беззвучно... а шар вверху в 15 000 свечей тихо шипел... – Эх, выведу я цыпляток! – с энтузиазмом говорил Александр Семенович, заглядывая то сбоку в контрольные прорезы, то сверху, через широкие вентиляционные отверстия. – Вот увидите... Что? Не выведу? Следующий день ознаменовался страннейшими и необъяснимыми происшествиями. Утром, при первом же блеске солнца, рощи, которые приветствовали обычно светило неумолчным и мощным стрекотанием птиц, встретили его полным безмолвием. Это было замечено решительно всеми. Словно перед грозой. Вечер тоже был без сюрпризов. Если утром умолкли рощи, показав вполне ясно, как подозрительно неприятна тишина среди деревьев, если в полдень убрались куда-то воробьи с совхозного двора, то к вечеру умолк пруд в Шереметьевке. Это было поистине изумительно, ибо всем в окрестностях на сорок верст было превосходно известно знаменитое стрекотание лягушек. А теперь они словно вымерли. С пруда не доносилось ни одного голоса, и беззвучно стояла осока. Александр Семенович окончательно расстроился. – Это странно, – сказал за обедом Александр Семенович жене, – я не могу понять, зачем этим птицам понадобилось улетать? Вечером произошел третий сюрприз – опять завывали собаки в Концовке, и ведь как! Над лунными полями стоял непрерывный стон, злобные тоскливые стенания. Вознаградил себя несколько Александр Семенович еще сюрпризом, но уже приятным, а именно в оранжерее. В камерах начал слышаться беспреерывный стук в красных яйцах. Токи... токи... токи... токи... стучало то в одном, то в другом, то в третьем яйце. Стук в яйцах был триумфальным стуком для Александра Семеновича. Тотчас были забыты странные происшествия в роще и на пруде. Наутро Александра Семеновича ожидала неприятность. Охранитель был крайне сконфужен, руки прикладывал к сердцу, клялся и божился, что не спал, но ничего не заметил. – Непонятное дело, – уверял охранитель, – я тут непричинен, товарищ Рокк. – Спасибо вам и от души благодарен, – распекал его Александр Семенович. Что вы, товарищ, думаете? Вас зачем приставили? Смотреть. Так вы мне и скажите, куда они делись? Ведь вылупились они? Значит, удрали. Значит, вы дверь оставили открытой да и ушли себе сами? Чтоб были мне цыплята! – Некуда мне ходить. Что я, своего дела не знаю? – обиделся наконец сторож. – Что вы меня попрекаете даром, товарищ Рокк! – Куды ж они подевались? – Да я почему знаю, что я, их караулю разве? Я зачем приставлен? Смотреть, чтобы камеры никто не упер, я и исполняю свою должность. Вот вам камеры. А ловить ваших цыплят я не обязан по закону. Кто его знает, какие у вас цыплята вылупятся, может, их на велосипеде не догонишь! Александр Семенович несколько осекся, побурчал еще что-то и впал в состояние изумления. Дело-то на самом деле было странное. В первой камере, которую зарядили раньше всех, два яйца, помещающиеся у самого основания луча, оказались взломанными. И одно из них даже откатилось в сторону. Скорлупа валялась на асбестовом полу, в луче. – Черт их знает, – бормотал Александр Семенович, – окна заперты, не через крышу же они улетели! Он задрал голову и посмотрел туда, где в стеклянном переплете крыши было несколько широких дыр. – Что вы, Александр Семенович, – крайне удивилась Дуня, – станут вам цыплята летать. Они тут где-нибудь... цып... цып... цып... – начала она кричать и заглядывать в углы оранжереи, где стояли пыльные цветочные вазоны, какие-то доски и хлам. Но никакие цыплята нигде не отзывались. Весь состав служащих часа два бегал по двору совхоза, разыскивая проворных цыплят, и нигде ничего не нашел. День прошел крайне возбужденно. Караул камер был увеличен еще сторожем, и тому был дан строжайший приказ: каждые четверть часа заглядывать в окна камер и, чуть что, звать Александра Семеновича. Охранитель сидел насупившись у дверей, держа винтовку между колен. Александр Семенович совершенно захлопотался и только во втором часу дня пообедал. После обеда он поспал часок в прохладной тени на бывшей оттоманке Шереметьева, напился совхозного сухарного кваса, сходил в оранжерею и убедился, что теперь там все в полном порядке. Старик сторож лежал животом на рогоже и, мигая, смотрел в контрольное стекло первой камеры. Охранитель бодрствовал, не уходя от дверей. Но были и новости: яйца в третьей камере, заряженные позже всех, начали как-то причмокивать и цокать, как будто

Луч жизни. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

внутри их кто-то всхлипывал. Александр Семенович посидел немного у камер, но при нем никто не вылупился, он поднялся с корточек, размялся и заявил, что из усадьбы никуда не уходит, а только пройдет на пруд выкупаться и чтобы его в случае чего немедленно вызвали. Он сбегал в спальню, где стояли две узкие пружинные кровати со скомканным бельем и на полу была навалена гряда зеленых яблоков и горы проса, приготовленного для будущих выводков, вооружился мохнатым полотенцем, а подумав, захватил с собой и флейту, с тем чтобы на досуге поиграть над водной гладью. Он бодро выбежал, пересек двор совхоза и по ивовой аллее направился к пруду. Бодро шел Рокк, помахивая полотенцем и держа флейту под мышкой. Небо изливало зной сквозь ивы, и тело ныло и просилось в воду. По правую руку от Рокка началась заросль лопухов, в которую он, проходя, плюнул. И тотчас в глубине разлапистой путаницы послышалось шуршанье, как будто кто-то поволок бревно. Почувствовав мимолетное неприятное сосание в сердце, Александр Семенович повернул голову к заросли и посмотрел с удивлением. Пруд уже два дня не отзывался никакими звуками. Шуршанье смолкло, поверх лопухов мелькнула привлекательная гладь пруда и серая крыша купаленки. Несколько стрекоз мотнулись перед Александром Семеновичем. Он уже хотел повернуть к деревянным мосткам, как вдруг шорох в зелени повторился и к нему присоединилось короткое сипение, как будто высочилось масло и пар из паровоза. Александр Семенович насторожился и стал всматриваться в глухую стену сорной заросли. – Александр Семенович, – прозвучал в этот момент голос жены Рокка, и белая ее кофточка мелькнула, скрылась и опять мелькнула в малиннике. – Подожди, я тоже пойду купаться. Жена спешила к пруду, но Александр Семенович ничего ей не ответил, весь приковавшись к лопухам. Сероватое и оливковое бревно начало подниматься из чащи, вырастая на глазах. Какие-то мокрые желтоватые пятна, как показалось Александру Семеновичу, усеивали бревно. Оно начало вытягиваться, изгибаясь и шевелясь, и вытянулось так высоко, что перегнало низенькую корявую иву. Затем верх бревна надломился, немного склонился, и над Александром Семеновичем оказалось что-то напоминающее по высоте электрический московский столб. Но только это что-то было раза в три толще столба и гораздо красивее его благодаря чешуйчатой татуировке. Ничего еще не понимая, но уже холодея, Александр Семенович глянул отсюда на верх ужасного столба, и сердце в нем на несколько секунд прекратило бой. Ему показалось, что мороз ударил внезапно в августовский день, а перед глазами стало так сумеречно, точно он глядел на солнце сквозь летние штаны. На верхнем конце бревна оказалась голова. Она была сплющена, заострена и украшена желтым круглым пятном по оливковому фону. Лишенные век, открытые ледяные и узкие глаза сидели в крыше головы, и в глазах этих мерцала совершенно невиданная злоба. Голова сделала такое движение, словно клюнула воздух, весь столб вобрался в лопухи, и только одни глаза остались и не мигая смотрели на Александра Семеновича. Тот, покрытый липким потом, произнес четыре слова, совершенно невероятных и вызванных сводящим с ума страхом. Настолько уж хороши были эти глаза между листьями. – Что это за шутки... Голова вновь взвилась, и стало выходить и туловище. Александр Семенович поднес флейту к губам, хрипло пискнул и заиграл, ежесекундно задыхаясь, вальс из "Евгения Онегина". Глаза в зелени тотчас загорелись непримиримой ненавистью к этой опере. – Что ты, одурел, что играешь на жаре? – послышался веселый голос Мани, и где-то, краем глаза, справа уловил Александр Семенович белое пятно. Затем истощный визг пронизал весь совхоз, разросся и взлетел, а вальс запрыгал как с перебитой ногой. Голова из зелени рванулась вперед, глаза ее покинули Александра Семеновича, отпустив его душу на покаяние. Змея приблизительно в пятнадцать аршин и толщиной в человека, как пружина, выскочила из лопухов. Туча пыли брызнула с дороги, и вальс закончился. Змея махнула мимо заведующего совхозом прямо туда, где была белая кофточка на дороге. Рокк увидел совершенно отчетливо: Маня стала желто-белой и ее длинные волосы как проволочные поднялись на пол-аршина над головой. Змея на глазах Рокка, раскрыв на мгновение пасть, из которой вынырнуло что-то похожее на вилку, схватила зубами Маню, оседающую в пыль, за плечо, так что вздернула ее на аршин над землей. Тогда Маня повторила режущий предсмертный крик. Змея извернулась пятисаженым винтом, хвост ее взмел смерч, и стала Маню давить. Та больше не издала ни одного звука, и только Рокк слышал, как лопались ее кости. Высоко над землей взметнулась голова Мани. Затем змея, вывихнув челюсти, раскрыла пасть и разом надела свою голову на голову Мани и стала налезать на нее, как перчатка на палец. От змеи во все стороны было такое жаркое дыхание, что оно коснулось лица Рокка, а хвост чуть не смел его с дороги в едкой пыли. В смертной тошноте он оторвался наконец от дороги и, ничего и никого не видя, оглашая окрестности диким ревом, бросился бежать...

Живая каша

Агент Государственного политического управления на станции Дугино Щукин был очень храбрым человеком, он задумчиво сказал своему товарищу, рыжему Полайтису:

Луч жизни. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

– Ну что ж, поедем. А? Давай мотоцикл. – Потом помолчал и добавил, обращаясь к человеку, сидящему на лавке: – Флейту–то положите. Но седой трясущийся человек на лавке, в помещении дугинского ГПУ, флейты не положил, а заплакал и замычал. Тогда Щукин и Полайтис поняли, что флейту нужно вынуть. Пальцы присохли к ней. Щукин, отличавшийся огромной силой, стал палец за пальцем отгибать и отогнул все. Тогда флейту положили на стол. Это было ранним солнечным утром следующего за смертью Мани дня. – Вы поедете с нами, – сказал Щукин, обращаясь к Александру Семеновичу, покажете нам где и что. Но Рокк в ужасе отстранился от него и руками закрылся, как от страшного видения. Щукин стал молчалив и серьезен и немедленно дал в Грачевку какую–то телеграмму. Третий агент по распоряжению Щукина стал неотступно находиться при Александре Семеновиче и должен был сопровождать его в Москву. Щукин же с Полайтисом стали готовиться к экспедиции. Когда солнце начало значительно припекать, на пригорке, под которым вилась речка Топь, глянул сахарный с колоннами дворец в зелени. Мертвая тишина стояла вокруг. Мотоциклетка пробежала по мосту, и Полайтис затрубил в рожок, чтобы вызвать кого–нибудь. Но никто и нигде не отозвался, за исключением отдаленных остервеневших собак в Концовке. Мотоцикл, замедляя ход, подошел к воротам с позеленевшими львами. Запыленные агенты в желтых гетрах соскочили, прицепили цепью с замком к переплету решетки машину и вошли во двор. Тишина их поразила. – Эй, кто тут есть! – окликнул Щукин громко. Но никто не отозвался на его бас. Агенты обошли двор кругом, все более удивляясь. Полайтис хмурился. Щукин стал посматривать серьезно, все более хмуря светлые брови. Заглянули через закрытое окно в кухню и увидели, что там никого нет, но весь пол усеян белыми осколками посуды. – Знаешь, что–то действительно у них случилось. Я теперь вижу. Катастрофа, – молвил Полайтис. По кирпичной дорожке агенты пошли, минуя клумбы, на задний двор, пересекли его и увидели блещущие стекла оранжереи. – Погоди–ка, – заметил шепотом Щукин и отстегнул с пояса револьвер. Полайтис насторожился и снял пулеметик. Станный и очень зычный звук тянулся в оранжерею и где–то за нею. Похоже было, что где–то шипит паровоз. Зау–зау... зау–зау... с–с–с–с–с... шипела оранжерея. – А ну–ка осторожно, – шепнул Щукин, и, стараясь не стучать каблуками, агенты придвинулись к самым стеклам и заглянули в оранжерею. Тотчас Полайтис откинулся назад, и лицо его стало бледно. Щукин открыл рот и застыл с револьвером в руке. Вся оранжерея жила, как червивая каша. Свиваясь и развиваясь в клубки, шипя и разворачиваясь, шаря и качая головами, по полу оранжереи ползали огромные змеи. Битая скорлупа валялась на полу и хрустела под их телами. Вверху бледно горел огромной силы электрический шар, и от этого вся внутренность оранжереи освещалась странным кинематографическим светом. На полу торчали три темных, словно фотографических огромных ящика, два из них, сдвинутые и покосившиеся, потухли, в третьем горело небольшое густо–малиновое световое пятно. Змеи всех размеров ползали по проводам, поднимались по переплетам рам, вылезали через отверстия в крыше. На самом электрическом шаре висела совершенно черная, пятнистая змея в несколько аршин, и голова ее качалась у шара, как маятник. Какие–то погремушки звякали в шипении, из оранжереи тянуло странным гнилостным, словно прудовым, запахом. И еще смутно разглядели агенты кучи белых яиц, валявшихся в пыльных углах, и странную гигантскую голенастую птицу, лежащую неподвижно у камер, и труп в сером у двери рядом с винтовкой. – Назад! – крикнул Щукин и стал пятиться, левой рукою отдавливая Полайтиса и поднимая правой рукою револьвер. Он успел выстрелить бесшумно раз девять, прошипев и выбросив около оранжереи зеленую молнию. Звук страшно усилился, и в ответ на стрельбу Щукина вся оранжерея пришла в бешеное движение, и плоские головы замелькали во всех дырах. Гром тотчас же начал скакать по всему совхозу и играть отблесками на стеклах. Чах–чах–чах–тах – стрелял Полайтис, отступая задом. Станный, четырехлапый шорох раздался сзади, и Полайтис вдруг страшно крикнул, падая навзничь. Существо на вывернутых лапах, коричнево–зеленого цвета, с громадной острой мордой, с гребенчатым хвостом, все похожее на страшных размеров ящерицу, выкатилось из–за угла сарая и, яростно перекусив ногу Полайтису, сбilo его на землю. – Щукин... беги, – промышал он, всхлипывая. Щукин выстрелил несколько раз по направлению оранжереи, и в ней вылетело несколько стекол. Но огромная пружина, оливковая и гибкая сзади, выскочив из подвального окна, перескользнула двор, заняв его весь пятисаженным телом, и в мгновение обвила ноги Щукина. Его швырнуло вниз на землю, и блестящий револьвер отпрыгнул в сторону. Щукин крикнул мощно, потом задохся, потом кольца скрыли его совершенно, кроме головы. Кольцо прошло раз по голове, сдирая с нее скальп, и голова эта треснула. Больше в совхозе не послышалось ни одного выстрела. Все погасил шипящий, покрывающий звук. И в ответ ему очень далеко по ветру донесся из Концовки вой, но теперь уже нельзя было разобрать, чей это вой: собачий или человеческий.

Катастрофа

Луч жизни. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

В ночной редакции газеты "Известия" ярко горели шары, и выпускающий редактор на свинцовом столе верстал вторую полосу с телеграммами "По Союзу республик". Одна гранка попала ему на глаза, он посмотрел на нее и захохотал, созвал вокруг себя корректоров из корректорской и метранпажа и всем показал эту гранку. На узенькой полоске сырой бумаги было напечатано: "Грачевка, Смоленской губернии. В уезде появилась курица величиною с лошадь и лягается, как конь. Вместо хвоста у нее буржуазные дамские перья". Наборщики захохотали. – В мое время, – заговорил выпускающий, хихикая жирно, – когда я работал у Вани Сытина в "Русском слове", допивались до слонов. Это верно. А теперь, стало быть, до страусов. Наборщики хохотали. – Что же, ставить, Иван Вонифатьевич? – спросил метранпаж. – Да ты что, сдурел? – ответил выпускающий. – Я удивляюсь, как секретарь пропустил, – просто пьяная телеграмма. Поэтому "Известия" и вышли на другой день, содержа, как обыкновенно, массу интересного материала, но без каких бы то ни было намеков на грачевского страуса. Приват-доцент Иванов, аккуратно читающий "Известия", у себя в кабинете свернул лист "Известий", зевнул, молвил: ничего интересного, и стал надевать белый халат. В кабинете же профессора Персикова была кутерьма. Испуганный Панкрат стоял и держал руки по швам. – Понял... слушаюсь, – говорил он. Персиков запечатанный сургучом пакет вручил ему, говоря: – Поедешь прямо в Отдел животноводства к этому заведующему Птахе и скажешь ему прямо, что он – свинья. И пакет отдай. Персиков бушевал. – Это черт знает что такое, – скулил он, разгуливая по кабинету и потирая руки в перчатках, – это неслыханное издевательство надо мной и над зоологией. Эти проклятые куриные яйца везут грудками, а я 2 месяца не могу добиться необходимого. Словно до Америки далеко! Он яростно набросился на телефон и стал куда-то звонить. В кабинете у него было все готово для каких-то таинственных и опаснейших опытов, лежала полосами нарезанная бумага для заклейки дверей, лежали водолазные шлемы с отводными трубками и несколько баллонов, блестящих, как ртуть, с этикеткою "доброхим", "не прикасаться" и рисунком черепа со скрещенными костями. Понадобилось по меньшей мере три часа, чтоб профессор успокоился и приступил к мелким работам. Так он и сделал. В институте он работал до одиннадцати часов вечера и поэтому ни о чем не знал, что творится за кремowymi стенами. Ни нелепый слух, пролетевший по Москве о каких-то змеях, ни странная выкрикнутая телеграмма в вечерней газете ему остались неизвестны.

* * *

Вся Москва встала, и белые листы газеты одели ее, как птицы. Листы сыпались и шуршали у всех в руках, и у газетчиков к одиннадцати часам дня не хватило номеров, несмотря на то, что "Известия" выходили тиражом в полтора миллиона экземпляров. Профессор Персиков выехал с Пречистенки на автобусе и прибыл в институт. Там его ожидала новость. В вестибюле стояли аккуратно обшитые металлическими полосами деревянные ящики, в количестве трех штук, испещренные заграничными наклейками на немецком языке, и над ними царствовала одна русская меловая надпись: "Осторожно: яйца". Бурная радость овладела профессором. – Наконец-то! – вскричал он. – Панкрат, взламывай ящики немедленно и осторожно, чтобы не побить. Ко мне в кабинет. Панкрат немедленно исполнил приказание, и через четверть часа в кабинете профессора, усеянном опилками и обрывками бумаги, забушевал его голос. – Да они, что же, издеваются надо мною, что ли, – выл профессор, потрясая кулаками и вертя в руках яйца, – это какая-то скотина, а не Птаха. Я не позволю смеяться надо мной. Это что такое, Панкрат? – Яйца, – отвечал Панкрат горестно. – Куриные, понимаешь, куриные, черт бы их задрал. На какого дьявола они мне нужны? Пусть посылают их этому негодю в его совхоз. Персиков бросился в угол к телефону, но не успел позвонить. – Владимир Ипатьич! Владимир Ипатьич! – загремел в коридоре института голос Иванова. Персиков оторвался от телефона, и Панкрат стрельнул в сторону, давая дорогу приват-доценту. Тот вбежал в кабинет вопреки своему джентльменскому обычаю, не снимая серой шляпы, сидящей на затылке, и с газетным листом в руках. – Вы знаете, Владимир Ипатьич, что случилось? – выкрикивал он и взмахнул перед лицом Персикова листом с надписью: "Экстренное приложение", посредине которого красовался яркий цветной рисунок. – Нет, вы слушайте, что они сделали, – в ответ закричал, не слушая, Персиков, – они меня вздумали удивить куриными яйцами. Этот Птаха форменный идиот, посмотрите! Иванов совершенно ошалел. Он в ужасе уставился на вскрытые ящики, потом на лист, затем глаза его почти выпрыгнули с лица. – Так вот что, – задыхаясь, забормотал он, – теперь я понимаю... Нет, Владимир Ипатьич, вы только гляньте. – Он мгновенно развернул лист и дрожащими пальцами указал Персикову на цветное изображение. На нем, как страшный пожарный шланг, извивалась оливковая в желтых пятах змея, в странной смазанной зелени. Она была снята сверху, с легонькой летательной машины, осторожно скользнувшей над землей. – Кто это, по-вашему, Владимир Ипатьич? Персиков сдвинул очки на

Луч жизни. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
лоб, потом передвинул их на глаза, всмотрелся в рисунок и сказал в крайнем удивлении: - Что за черт. Это... да это анаконда, водяной удав... Иванов сбросил шляпу, опустился на стул и сказал, выстукивая каждое слово кулаком по столу: - Владимир Ипатьич, это анаконда из Смоленской губернии. Что-то чудовищное. Вы понимаете, этот негодяй вывел змей вместо кур, и, вы поймите, они дали такую же самую феноменальную кладку, как лягушки! - Что такое? - ответил Персиков, и лицо его сделалось бурым. - Вы шутите, Петр Степанович... Откуда? Иванов онемел на мгновение, потом получил дар слова и, тыча пальцем в открытый ящик, где сверкали беленькие головки в желтых опилках, сказал: - Вот откуда. - Что-о? - завыл Персиков, начиная соображать. Иванов совершенно уверенно взмахнул двумя сжатыми кулаками и закричал: - Будьте покойны. Они ваш заказ на змеиные и страусовые яйца переслали в совхоз, а куриные вам по ошибке. - Боже мой... боже мой, - повторил Персиков и, зеленея лицом, стал садиться на винтящийся табурет. Панкрат совершенно одурел у двери, поблдевел и онемел. Иванов вскочил, схватил лист и, подчеркивая острым ногтем строчку, закричал в уши профессору: - Ну, теперь они будут иметь веселую историю!.. Что теперь будет, я решительно не представляю. Владимир Ипатьич, вы гляньте. - И он завопил вслух, вычитывая первое попавшееся место со скомканного листа: - Змеи идут стаями в направлении Можайска... откладывая неимоверное количество яиц. Яйца были замечены в Духовском уезде... Появились крокодилы и страусы. Части особого назначения... и отряды государственного управления прекратили панику в Вязьме после того, как зажгли пригородный лес, остановивший движение гадов... Персиков, разноцветный, иссиня-бледный, с сумасшедшими глазами, поднялся с табурета и, задышавшись, начал кричать: - Анаконда... анаконда... водяной удав! - Он сорвал одним взмахом галстук, оборвал пуговицы на сорочке, побагровел страшным параличным цветом и, шатаясь, с совершенно тупыми стеклянными глазами, ринулся куда-то вон.

Бой и смерть

Пылала бешеная электрическая ночь в Москве. Горели все огни, и в квартирах не было места, где бы не сияли лампы со сброшенными абажурами. Ни в одной квартире Москвы, насчитывающей 4 миллиона населения, не спал ни один человек, кроме неосмысленных детей. В квартирах ели и пили как попало, в квартирах что-то выкрикивали, и поминутно искаженные лица выглядывали в окна во всех этажах, устремляя взоры в небо, во всех направлениях изрезанное прожекторами. На небе то и дело вспыхивали белые огни, отбрасывали тающие бледные конусы на Москву и исчезали, и гасли. Небо беспрерывно гудело очень низким аэропланым гулом. Под утро по совершенно бессонной Москве, не потушившей ни одного огня, вверх по Тверской, сметая все встречное, что жалось в подъезды и витрины, выдавливая стекла, прошла многотысячная, стрекочущая копытами по торцам, змея конной армии. Малиновые башлыки мотались концами на серых спинах, и кончики пик кололи небо. Толпа, метущаяся и воющая, как будто ожила сразу, увидав ломящиеся вперед, рассекающие расплеснутое зарево безумия шеренги. То и дело прерывая шеренги конных с открытыми лицами, шли на конях же странные фигуры, в странных чадрах, с отводными за спину трубками и с баллонами на ремнях за спиной. За ними шли громадные цистерны-автомобили с длиннейшими рукавами и шлангами, точно на пожарных повозках, и тяжелые, раздавливающие торцы, наглухо закрытые и светящиеся узенькими бойницами танки на гусеничных лапах. Прерывались шеренги конных, и шли автомобили, зашитые наглухо в серую броню, с теми же трубками, торчащими наружу, и белыми нарисованными черепами на боках с надписью: "газ", "доброхим".

* * *

Институт был скупо освещен. События до него долетали только отдельными смутными и глухими отзвуками. Раз под огненными часами близ Манежа грохнул веером залп, это расстреляли мародеров, пытавшихся ограбить квартиру на Волхонке. Машинного движения на улице здесь было мало, оно все сбивалось к вокзалам. В кабинете профессора, где тускло горела одна лампа, отбрасывая пучок света на стол, Персиков сидел, положив голову на руки, и молчал. Слоистый дым веял вокруг него. Луч в ящике погас. В террариях лягушки молчали, потому что уже спали. Профессор не работал и не читал. В стороне, под левым локтем, лежал вечерний выпуск телеграмм на узкой полосе, сообщавший, что Смоленск горит весь и что артиллерия обстреливает можайский лес по квадратам, громя залежи крокодильих яиц, разложенных во всех сырых оврагах. Сообщалось, что эскадрилья аэропланов под Вязью действовала весьма удачно, залил газом почти весь уезд, но что жертвы человеческие в этих пространствах неисчислимы из-за того, что население, вместо того чтобы покидать уезды в порядке правильной эвакуации, благодаря панике металось разрозненными группами на свой риск и страх, кидаясь куда глаза глядят. Сообщалось, что отдельная кавказская кавалерийская дивизия в можайском

Луч жизни. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
направлении блистательно выиграла бой со страусовыми стаями, перерубив их всех и уничтожив громадные кладки страусовых яиц. Ничего этого профессор не читал, смотрел остекленевшими глазами перед собой и курил. Кроме него только два человека были в институте – Панкрат и то и дело заливающаяся слезами экономка Марья Степановна, бессонная уже третью ночь, которую она проводила в кабинете профессора, ни за что не желающего покинуть свой единственный потухший ящик. Институт молчал, и все произошло внезапно. С тротуара вдруг послышались ненавистные звонкие крики, так что Марья Степановна вскочила и взвизгнула. На улице замелькали огни фонарей, и отозвался голос Панкрата в вестибюле. Страшно загремели кованые двери института, стены затряслись. Затем лопнул сплошной зеркальный слой в соседнем кабинете. Зазвенело и высыпалось стекло в кабинете профессора, и серый булыжник прыгнул в окно, развалив стеклянный стол. Лягушки шарахнулись в террариях и подняли вопль. Заметалась, завизжала Марья Степановна, бросилась к профессору, хватая его за руки и крича: Убегайте, Владимир Ипатьич, убегайте. – Тот поднялся с винтящегося стула, выпрямился и, сложив палец крючком, ответил: – Никуда я не пойду, – проговорил он, – это просто глупость, – они мечутся, как сумасшедшие... Ну, а если вся Москва сошла с ума, то куда же я уйду? И, пожалуйста, перестаньте кричать. При чем здесь я? Панкрат! позвал он и нажал кнопку. Вероятно, он хотел, чтоб Панкрат прекратил эту суету, которой он вообще никогда не любил. Но Панкрат ничего уже не мог поделать. Грохот кончился тем, что двери института растворились и издали донеслись хлопушечки выстрелов, а потом весь каменный институт загрохотал бегом, выкриками, боем стекла. Марья Степановна вцепилась в рукав Персикова и начала его тащить куда-то, он отбил от нее, вытянулся во весь рост и, как был в белом халате, вышел в коридор. – Ну? – спросил он. Двери распахнулись, и первое, что появилось в дверях, это спина военного с малиновым шевроном и звездой на левом рукаве. Он отступал из двери, в которую напирала яростная толпа, спиной и стрелял из револьвера. Потом он бросился бежать мимо Персикова, крикнув ему: – Профессор, спасайтесь, я больше ничего не могу сделать. Его словам ответил визг Марьи Степановны. Военный проскочил мимо Персикова, стоящего как белое изваяние, и исчез во тьме извилистых коридоров в противоположном конце. Люди вылетели из дверей, завывая: – Бей его! Убивай... – Мирового злодея! – Ты распустил гадов! Искаженные лица, разорванные платья запрыгали в коридорах, и кто-то выстрелил. Замелькали палки. Персиков немного отступил назад, прикрыл дверь, ведущую в кабинет, где в ужасе на полу на коленях стояла Марья Степановна, распростер руки, как распятый... он не хотел пустить толпу и закричал в раздражении: – Это форменное сумасшествие... вы совершенно дикie звери. Что вам нужно? – Завыл: – Вон отсюда! – и закончил фразу резким, всем знакомым выкриком: – Панкрат, гони их! Но Панкрат никого уже не мог выгнать. Панкрат с разбитой головой, истоптанный и рваный в клочья, лежал недвижимо в вестибюле, и новые и новые толпы рвались мимо него, не обращая внимания на стрельбу милиции с улицы. Низкий человек на обезьяньих ногах, в разорванной манишке, сбившейся на сторону, опередил других, дорвался до Персикова и страшным ударом палки раскроил ему голову. Персиков качнулся, стал падать на бок, и последним его словом было слово: – Панкрат... Панкрат...

Морозный бог на машине

В ночь с 19 на 20 августа 1928 года упал не слыханный никем из старожилков никогда еще не отмеченный мороз. Он пришел и продержался двое суток, достигнув 18 градусов. Остервеневшая Москва заперла все окна, все двери. Только к концу третьих суток поняло население, что мороз спас столицу и те безграничные пространства, которыми она владела и на которые упала страшная беда 28 года. Конная армия под Можайском, потерявшая три четверти своего состава, начала изнемогать, и газовые эскадрильи не могли остановить движения мерзких пресмыкающихся, полукольцом заходивших с запада, юго-запада и юга по направлению к Москве. Их задушил мороз. Двух суток по 18 градусов не выдержали омерзительные стаи, и в 20 числах августа, когда мороз исчез, биться больше было не с кем. Беда кончилась. Леса, поля, необозримые болота были еще завалены разноцветными яйцами, покрытыми порою странным, нездешним невиданным рисунком, который безвестно пропавший Рокк принимал за грязюку, но эти яйца были совершенно безвредны. Они были мертвы, зародыши в них прикончены. Были долгие эпидемии, были долго павальные болезни от трупов гадов и людей, и долго еще ходила армия, но уже не снабженная газами, а саперными принадлежностями, керосиновыми цистернами и шлангами, очищая землю. Очистила, и все кончилось к весне 29 года. А весной 29 года опять затанцевала, загорелась огнями Москва, и опять по-прежнему шаркало движение механических экипажей, и висел, как на ниточке, лунный серп, и на месте сгоревшего в августе 28 года двухэтажного института выстроили новый зоологический дворец, и им заведовал приват-доцент Иванов, но Персикова уже не было. О луче и катастрофе 28 года еще долго говорил и писал

Луч жизни. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
весь мир, но потом имя профессора Владимира Ипатьевича Персикова оделось туманом
и погасло, как погас и самый открытый им в апрельскую ночь красный луч. Луч же
этот вновь получить не удалось. Первую камеру уничтожила разъяренная толпа в
ночь убийства Персикова. Три камеры сгорели в Никольском совхозе "Красный луч"
при первом бое эскадрильи с гадами, и восстановить их не удалось.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!